

Владимир Соловьев

* * *

В сне земном мы тени, тени...

Жизнь — игра теней,
Ряд далеких отражений
Вечно светлых дней.

Но сливаются уж тени,
Прежние черты
Прежних ярких сновидений
Не узнаешь ты.

Серый сумрак предрассветный
Землю всю одел;
Сердцем вещим уж приветный
Трепет овладел.

Голос вещей не обманет.
Верь, проходит тень, —
Не скорби же: скоро встанет
Новый вечный день.

9 июня 1875

ПЕСНЯ ОФИТОВ

Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем.

Тайной пророческой грезой
Вечную истину мы обретаем.

Вещее слово скажите!
Жемчуг свой в чашу бросайте скорее!
Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древнего змея.

Вольному сердцу не больно...
Ей ли бояться огня Прометея?
Чистой голубке привольно
В пламенных кольцах могучего змея.

Пойте про ярые грозы,
В ярой грозе мы покой обретаем...
Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем.

Начало мая 1876

* * *

Бескрылый дух, землю полоненный,
Себя забывший и забытый Бог...
Один лишь сон — и снова, окрыленный,
Ты мчишься ввысь от суетных тревог.

Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной, —
И прежний мир в немеркнущем сиянье
Встает опять пред чуткою душой.

Один лишь сон — и в тяжком пробужденье
Ты будешь ждать с томительной тоской

Вновь отблеска нездешнего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой.

Июнь 1883

* * *

Друг мой! прежде, как и ныне,
Адониса отпевали.
Стон и вопль стоял в пустыне,
Жены скорбные рыдали.

Друг мой! прежде, как и ныне,
Адонис вставал из гроба,
Не страшна его святыне
Вражьих сил слепая злоба.

Друг мой! ныне, как бывало,
Мы любовь свою отпели,
А вдали зарею алой
Вновь лучи ее зардели.

3 апреля 1887

* * *

Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венки твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;

Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

18 сентября 1887

* * *

Зачем слова? В безбрежности лазурной
Эфирных волн созвучные струи
Несут к тебе желаний пламень бурный
И тайный вздох немеющей любви.

И, трепеща у милого порога,
Забывших грез к тебе стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Один лишь миг — и я перед тобой.

И в этот миг незримого свиданья
Нездешний свет вновь озарит тебя,
И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Начало сентября 1892

* * *

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —

Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

1892

* * *

Вижу очи твои изумрудные,
Светлый облик встает предо мной.
В эти сны наяву, непробудные,
Унесло меня новой волной.

Ты поникла, земной паутиною
Вся опутана, бедный мой друг,
Но не бойся: тебя не покину я, —
Он сомкнулся, магический круг.

В эти сны наяву, непробудные,
Унесет нас волною одной.
Вижу очи твои изумрудные,
Светлый облик стоит предо мной.

1892

СОН НАЯВУ

Лазурное око
 Сквозь мрачно-нависшие тучи...
 Ступая глубоко
 По снежной пустыне сыпучей,
 К загадочной цели
 Иду одиноко.
 За мной только ели.
 Кругом лишь далёко
 Раскинулась озера ширь в своем белом уборе,
 И вслух тишина говорит мне: неожиданное
 сбудется вскоре.

Лазурное око
 Опять потонуло в тумане,
 В тоске одинокой
 Бледнеет надежда свиданий.
 Печальные ели
 Темнеют вдали без движенья,
 Пустыня без цели,
 И путь без стремленья,
 И голос все тот же звучит в тишине без укора:
 Конец уже близок, неожиданное сбудется скоро.

Январь 1895

DAS EWIG-WEIBLICHE¹

Слово увещательное к морским чертям

Черти морские меня полюбили,
 Рыщут за мною они по следам:
 В Финском поморье недавно ловили,
 В Архипелаг я — они уже там!

¹ Вечная женственность (нем.).

Ясно, что черти хотят моей смерти,
Как и по чину прилично чертям.
Бог с вами, черти! Однако, поверьте,
Вам я себя на съеденье не дам.

Лучше вы сами послушайтесь слова, —
Доброе слово для вас я припас:
Божьей скотинкою сделаться снова,
Милые черти, зависит от вас.

Помните ль вы, как у этого моря,
Там, где стоял Амафунт и Пафós,
Первое в жизни нежданное горе
Некогда вам испытать довелось?

Помните ль розы над пеною белой,
Пурпурный отблеск в лазурных волнах?
Помните ль образ прекрасного тела,
Ваше смятенье, и трепет, и страх?

Та красота своей первою силой,
Черти, не долго была вам страшна;
Дикую злобу на миг укротила,
Но покорить не умела она.

В ту красоту, о коварные черти,
Путь себе тайный вы скоро нашли,
Адское семя растленья и смерти
В образ прекрасный вы сеять могли.

Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилось с пучиною вод.

Все, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, —
Все совместит красота неземная
Чище, сильней, и живей, и полней.

К ней не ищите напрасно подхода!
Умные черти, зачем же шуметь?
То, чего ждет и томится природа,
Вам не замедлить и не одолеть.

Гордые черти, вы всё же мужчины, —
С женщиной спорить не честь для мужей.
Ну, хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорей!

8-11 апреля 1898

* * *

Лишь забудешься днем иль проснешься
в полночи —
Кто-то здесь... Мы вдвоем, —
Прямо в душу глядят лучезарные очи
Темной ночью и днем.

Тает лед, расплываются хмурые тучи,
Расцветают цветы...
И в прозрачной тиши неподвижных созвучий
Отражаешься ты.

Исчезает в душе старый грех первородный:
Сквозь зеркальную гладь
Видишь, нет и травы, змей не виден подводный,
Да и скал не видать.

Только свет да вода. И в прозрачном тумане
Блещут очи одни,
И слилися давно, как роса в океане,
Все житейские дни.

21 ноября 1898

Иннокентий Анненский

ПЕРВЫЙ ФОРТЕПЯННЫЙ СОНЕТ

Есть книга чудная, где с каждою страницей
Галлюцинации таинственно свиты:
Там полон старый сад луной и небылицей,
Там клен бумажные заморозил листы,

Там в очертаниях тревожной пустоты,
Упившись чарами луны зеленолицей,
Менады белою мнутся вереницей,
И десять реет их по клавишам мечты.

Но, изумрудами запястий залитая,
Меня волнует дев мучительная стая:
Кристалльно чистые так бешено горды.

И я порвать хочу серебряные звенья...
Но нет разлуки нам, ни мира, ни забвенья,
И режут сердце мне их узкие следы...

НА ВОДЕ

То луга ли, скажи, облака ли, вода ль
Околдована желтой луною:
Серебристая гладь, серебристая даль
Надо мной, предо мною, за мною...

Ни о чем не жалеть... Ничего не желать...
Только б маска колдуньи светилась
Да клубком ее сказка катилась
В серебристую даль, на серебристую гладь.

1900

УТРО

Эта ночь бесконечна была,
Я не смел, я боялся уснуть:
Два мучительно-черных крыла
Тяжело мне ложились на грудь.

На призывы ж тех крыльев в ответ
Трепетал, замирая, птенец,
И не знал я, придет ли рассвет,
Или это уж полный конец...

О, смелее... Кошмар позади,
Его страшное царство прошло;
Вещих птиц на груди и в груди
Отшумело до завтра крыло...

Облака еще плачут, гудя,
Но светлеет и нехотя тень,
И банальный, за сетью дождя,
Улыбнуться попробовал день.

ДЕКОРАЦИЯ

Это — лунная ночь невозможного сна,
Так уныла, желта и больна
В облаках театральных луна,

Свет полос запыленно-зеленых
На бумажных колеблется кленах.

Это — лунная ночь невозможной мечты...
Но недвижны и странны черты:
— Это маска твоя или ты?

Вот чуть-чуть шевельнулись ресницы...
Дальше... вырваны дальше страницы.

СМЫЧОК И СТРУНЫ

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звения, но, ластясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?...»
И скрипка отвечала *да*,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...

И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.

МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ

Едва пчелиное гуденье замолчало,
Уж ноющий комар приблизился, звеня...
Каких обманов ты, о сердце, не прощало
Тревожной пустоте оконченного дня?

Мне нужен талый снег под желтизной огня,
Сквозь потное стекло светящего устало,
И чтобы прядь волос так близко от меня,
Так близко от меня, развившись, трепетала.

Мне надо дымных туч с померкшей высоты,
Круженья дымных туч, в которых нет былого,
Полузакрытых глаз и музыки мечты,
И музыки мечты, еще не знавшей слова...

О, дай мне только миг, но в жизни, не во сне,
Чтоб мог я стать огнем или сгореть в огне!

* * *

Я на дне, я печальный обломок,
Надо мной зеленеет вода.

Из тяжелых стеклянных потемок
Нет путей никому, никуда...

Помню небо, зигзаги полета,
Белый мрамор, под ним водоем,
Помню дым от струи водомета,
Весь изнизанный синим огнем...

Если ж верить тем шепотам бреда,
Что томят мой постылый покой,
Там тоскует по мне Андромеда
С искалеченной белой рукой.

*20 мая (1906),
Вологда*

СТРУЯ РЕЗЕДЫ В ТЕМНОМ ВАГОНЕ

*Dors, dors, mon enfant!*¹

Не буди его в тусклую рань,
Поцелуем дремоту согрей...
Но сама — вся дрожащая — встань:
Ты одна, ты царишь... Но скорей!
 Для тебя оживил я мечту,
 И минуты ее на счету...

.....
Так беззвучна, черна и тепла
Резедой напоенная мгла...
 В голубых фонарях,
 Меж листов на ветвях,
 Без числа

¹ Спи, спи, мое дитя! (фр.)

Восковые сиянья плывут,
 И в саду,
 Как в бреду,
 Хризантемы цветут...

.....
 Все, что можешь ты *там*, все ты смеешь
 теперь,
 Ни мольбам, ни упрекам не верь!

.....
 Пока свечи плывут
 И левкой живут,
 Пока дышит во сне резеда —
 Здесь ни мук, ни греха, ни стыда...

Ты боишься в крови
 Своих хóленных ног
 И за белый веночек
 В беспорядке косы?
 О, молчи! Не зови!
 Как минуты — часы
 Не таймой и нежной красы.
 На ветвях,
 В фонарях догорела мечта
 Голубых хризантем...

.....
 Ты очнешься — свежа и чиста,
 И совсем... о, совсем!
 Без смятенья в лице,
 В обручальном кольце

.....
 Стрелка будет показывать *семь*...

11 декабря 1908

П 67 **Поэзия** Серебряного века : антология. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 416 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-22953-2

По аналогии с пушкинским золотым веком эпоха рубежа XIX и XX столетия получила название Серебряного века и была ознаменована явлением небывалого числа ярких имен в русской поэзии: Бальмонт и Брюсов, Гиппиус и Мережковский, Сологуб и Анненский, Блок и Ахматова, Гумилев и Мандельштам, Цветаева и Пастернак, Есенин и Маяковский и десятки других. Но не только великое множество поэтических дарований породила эта эпоха. Серебряному веку было присуще особое романтическое мироощущение, удивительная атмосфера, ставшая отражением духовного подъема и новых веяний, которые затронули как русскую литературу, так и русскую живопись, философию, музыку и театр, — это был настоящий «культурный ренессанс», как писал Николай Бердяев. В этом сборнике с достаточной полнотой представлены наиболее яркие поэты Серебряного века, творчество которых прошло испытание временем и стало достоянием не только эпохи прошлого, но и частью русской литературы в целом.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)1+6-5

Литературно-художественное издание

ПОЭЗИЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Александр Балабанов
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Валерий Камендо, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.04.2023. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 21,84.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-AMC-31898-01-R